

Семен Черток

Марк Шагал и Израиль

Русская тиска. - Париж. -
- 1994. - 19 - 25 июня. - С. 10-18.

Окончание. Начало в "PM" №4178.

Второй раз Шагал приехал в эти края в 1949 году сразу после окончания Войны за независимость и провозглашения Израиля. Он много расспрашивал и читал о том, как все это происходило. Затем он вернулся сюда в 1951 году вместе с Вирджинией Макнейл и их сыном Давидом. Художника принимали с большим почетом. В национальном театре "Габима" были устроены выставки его работ, и он был приглашен лидерами страны — Бен-Гурионом, Голдой Меир, Моше Даяном. Министр иностранных дел Моше Черток (Шарет) предложил Шагалу бесплатную квартиру в Хайфе и государственную стипендию, если он захочет месяц-другой в году жить в ней.

Однако полного удовлетворения не было. Пионеры освоения Земли Израиля не воспринимали современной живописи и относились к Шагалу скорее как к национальной знаменитости, чем как к выразителю национальных устремлений и чувств.

Моше Шомрок, сопровождавший Шагала в его поездке по стране, рассказывал мне, как Бен-Гурион сказал художнику: "Я в изобразительном искусстве ничего не понимаю". Видя от него, Шагал заметил: "Не разбираться в искусстве не грех, но зачем хвастаться этим?"

В 1962 году Шагал привез три картины для Городского музея в Хайфе, несколько работ для музея в Тель-Авиве и для иерусалимской художественной академии "Бецальель". Но на этот раз критические ноты, касающиеся его творчества, стали раздаваться и в публичных выступлениях, и в печати... Молодое израильское общество, создававшее свою культуру на возрожденном древнем языке, отрекалось от культуры диаспоры, "местечкового" прошлого и языка идиш.

Шагал же был певцом местечка, а идиш был его родным языком. Плохо понимавшие природу искусства люди требовали от художника прямого и, следовательно, примитивного отражения современной израильской жизни. Общественное сознание еще не воспринимало в шагаловских героях неизменную суть жизни народа, несущего сквозь тысячелетия свою историческую миссию.

Шагал болезненно относился к тому, как воспринимают в Израиле его искусство, и все же на этот раз он приехал сюда не только как еврей, но и как художник, утверждающий свои принципы в искусстве.

В зрелый период творчества его все больше привлекали монументальные работы. Кризис современного изобразительного искусства происходил, по его мнению, от того, что оно оказалось разлучено с архитектурой, с которой было неотрывно связано на ранних стадиях своего развития, когда мозаика и фреска являлись его главными элементами. В XX веке эту связь вернули живописи Сикейрос, Диего Ривера, Пикассо и Шагал.

Первой его монументальной работой было настенное панно, сделанное в 1920 году для фойе еврейского Камерного театра в Москве, уцелевшее, к счастью, в запасниках Третьяковской галереи и совершающее теперь триумфальное шествие по всему миру. Спустя десятилетия художник вернулся к монументальному жанру, расписав плафон

зрительного зала Парижской Оперы, сделав панно для Метрополитен-Оперы в Нью-Йорке и выполнив заказы для Реймского собора и других христианских церквей. Заказы эти он принял не без колебаний: в Шагале боролись еврей, преданный своей религии, и увлеченный грандиозностью замысла художник. Он обратился за советами к главному раввину Франции и к президенту Израиля. Раввин благословил Шагала на творчество, а Хаим Вейцман ответил письменно, что художник должен следовать своему вдохновению.

Шагал хотел сделать крупные работы для общественных зданий в Израиле и во время своего третьего визита туда вспомнил о письме Вейцмана: "Я не хочу быть неправильно понят евреями. Мне бы очень хотелось сделать настенные росписи в Иерусалиме".

Почему именно в Иерусалиме? О своем отношении к этому городу Шагал говорил в том же интервью для журнала "Рассвет":

"Иерусалим? В этом городе ощущаешь, что дальше отсюда уже нет дороги. Я чувствовал, что по этим узким улочкам, с их козами и арабами, по переулкам, которыми теперь бредут к Стене Плача красные, синие и зеленые евреи, — недавно еще проходил Христос. Здесь чувствуется вся односемейственность еврейства и христианства — это было ведь одно целое, а потом пришли какие-то дьяволы, разорвали все и разделили. Чувствуешь, какая мощная культура разрослась тут когда-то. Если ей суждено воскреснуть, она будет одной из богатейших на земле — я говорю это вовсе не будучи шовинистом. Все же остальное в Иерусалиме — и мечеть Омара, куда меня заставил поехать Эдвин Самюэль (британский генерал-губернатор Палестины. — С.Ч.), и святые места — несмотря на мой интерес к Христу как к поэту и фигуре пророческой — меня оставили равнодушным".

Шагал хотел участвовать в строительстве той культуры, которой, как он считал, "суждено воскреснуть". Дело двигалось медленно, оно было очень дорогостоящим, и сбор средств требовал времени.

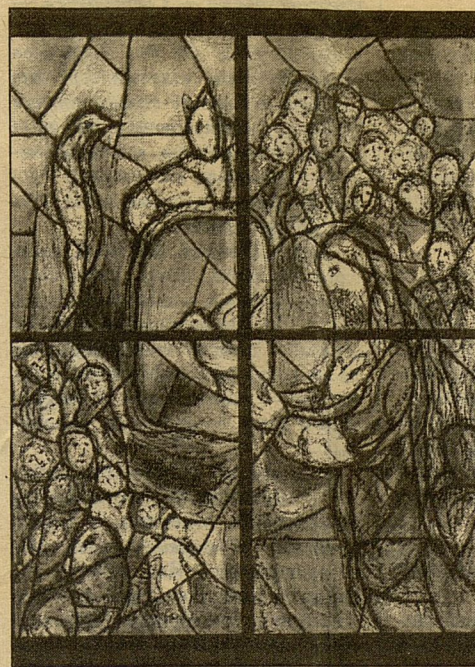
Решено было заказать Шагалу настенные росписи и мозаики для здания Кнессета — израильского парламента. Инициатива принадлежала тогдашнему председателю Кнессета Калишу Лузу, земляку и другу художника. Через два года он прислал эскизы мозаики и gobеленов для зала приемов, который с тех пор все называют "Залом Шагала", и в приемные часы в нем всегда полно посетителей.

Гобелены занимают длинную стену зала. Это триптих: в центре — "Исход", слева — "Царь Давид", справа — "Пророчество Исайи". В хороводе бесчисленных фигур перед зрителями проходит вся еврейская история: праотец Авраам, борющийся с ангелом; Моисей, получающий из рук Бога скрижали Завета; Юдифь с головой Олоферна; царь и псаломщик Давид со своей арфой; Иерусалим и его башни на холмах и горящее местечко.

Земное начало Шагал связывал с красным цветом, а духовное — с преобладающим синим.

Марк Шагал.

М.Шагал. Изгнание из рая.

соборе или в синагоге это одно и то же, нечто мистическое, проходящее через окно. Но я волновался, как будто впервые шел на свидание. В живописи материалом являются холст и краски. Остальное должен внести художник, и это его талант, его дух. Двое против одного — силы неравны. Были победители: Коро, Сезанн, Боннар, Монэ. А остальные? В керамике или витраже все еще труднее. Что должен я придать земле Всевышнего, листе, древесной коре, свету? Быть может, воспоминания об отце, о матери, о детстве, о моем народе на протяжении тысячелетий... Быть может, мое сердце... И еще нужно смириться перед материалом, покориться. Материал естественен, а то, что естественно, то и священо. Художник в меньшинстве в состязании с природой, поэтому удачи сопутствуют ему, лишь если он умеет покориться".

Шагал взял для своих витражей самые чистые и звучные краски. Это как будто те изначальные цвета, из которых создана Вселенная. Сотворение мира — вот чему подобны эти двенадцать витражей. Глубокий синий цвет витража "Колено Шимона", из синевы выступают фиолетовые плоды граната, напоминающие земной шар.

Могучий и тяжелый багровый цвет "Колена Иегуды", как неостывшая лава, и спокойный звонкий красный с кораблем и рыбами на витраже "Звулун".

Эти витражи полны еврейских символов: семисвечник-менора и птицы, коза — неизменный мотив Шагала, — то скромное животное, которое как бы соединяет века древней еврейской истории с местечком; птицы, рыбы, лев. Шагал сказал про свои витражи: "Когда они будут собраны вместе, это будет как корона. Каждый цвет должен призывать к молитве. Вот только я не умею молиться, я могу только работать".

Возрождение еврейского государства вывело Библию из среды религии и литературы и наделило Книгу Книг современными жизненными измерениями, ибо история Израиля воспринимается как продолжение Библии. "Когда я иллюстрировал Библию,

Еще более известны находящиеся в столице Израиля двенадцать больших витражей, сделанных Шагалом для синагоги в медицинском центре "Хадасса". Есть что-то особо трогательное в том, что увидеть это гениальное произведение можно именно здесь, в маленькой деревушке Эй-Керем в окрестностях Иерусалима, в маленькой синагоге.

Тема витражей — двенадцать колен израилевых. Репродукции этих витражей помещены в тысячах книг и миллионах открыток, но типографское воспроизведение по самой своей природе не может передать их яркость: сплав цветного стекла и солнечного света, бьющего снаружи.

Сам Шагал писал об этом: "Витраж кажется очень простым делом: материалом является сам свет. В пафосе против одного — силы неравны. Были победители: Коро, Сезанн, Боннар, Монэ. А остальные? В керамике или витраже все еще труднее. Что должен я придать земле Всевышнего, листе, древесной коре, свету? Быть может, воспоминания об отце, о матери, о детстве, о моем народе на протяжении тысячелетий... Быть может, мое сердце... И еще нужно смириться перед материалом, покориться. Материал естественен, а то, что естественно, то и священо. Художник в меньшинстве в состязании с природой, поэтому удачи сопутствуют ему, лишь если он умеет покориться".

Шагал держишь в руке микрофон, люди поневоле расступаются, и я сумел подойти к Марку Захаровичу, представиться и попросить его повторить свою речь по-русски. Потом я сказал: "Мы с вами знакомы", — и напомнил ему о встрече в Каннах. И Шагал продолжил расспросы так же заинтересованно и так же "по-семейному", как восемь лет назад: с кем приехал? как удалось "выбраться"? долго ли ждали разрешения? как устроились? дается ли иврит? Сказал, что священные тексты на иврите читает свободно, но говорить не может.

"Приезжие начинают говорить на иврите довольно быстро", — сказал я. Шагал понял это почему-то как намек и ответил: "Мне поздно, но душой я с вами".

И тогда я решился на вопрос, который интересовал меня давно и на который мог ответить только сам художник: "Почему персонажи ваших картин на библейские, в том числе евангельские, сюжеты не просто типичные евреи — они ими и были, — но восточноевропейские, а еще точнее, белорусские, похожие как две капли воды на моих родственников из Минска и Гомеля?"

Марк Захарович улыбнулся детской улыбкой и почти беспомощно развел руками: "Их кен нит андере" — "По-другому я не умею".

— писал Шагал, — я приехал в Израиль и нашел там мои материалы — свет и землю". Фотографии gobеленов в зале Кнессета то и дело появляются в газетах, когда в них помещаются репортажи о торжественных приемах. Фотографии стирают границу между дальним планом и стоящими у gobеленов людьми, все сливается вместе, и мы, не без удивления, вдруг обнаруживаем, что прошлое продолжается в настоящем.

Шагал не занимался политикой, и из советской России он уехал прежде всего потому, что там не понимали его искусство.

Не был он и сионистом, но мысли об Израиле и судьбе народа не оставляли его. Он поделился ими и в письме в Тель-Авив к своему близкому другу поэту Аврааму Суцкеверу, написанном сразу после Шестидневной войны 1967 года: "Я хотел бы быть моложе, бросить все свои картины и быть вместе с вами, наполнить последние годы моей жизни сладким счастьем быть среди народа, который люблю, как мои краски... Я свято верю, что без мужественного и библейского чувства в душе жизнь ничего не стоит. Если семитский народ выжил в трудной борьбе за кусок хлеба, это произошло только благодаря нашим пламенным идеалам, рожденным на нашей национальной земле.

Антисемиты хотят унижать нас, как во времена фараонов. Но мы прошли через моря страданий и бесконечные гетто, и наша победа в борьбе за свободу запечатлена в Агаде (пасхальном сказании. — С.Ч.). Мы стоим перед миром, как пример мужества. Развеет ли ветер наши идеалы, нашу храбрость, нашу культуру двадцати столетий? История снова ставит перед нами этот вопрос — трудный или легкий. Пусть мир вострепнется, услышав наш призыв к справедливости. С нами тысячи и тысячи людей. Только те, у кого нет родины, с нашими врагами". (Перевод с идиш.)

Вскоре после переезда в Израиль в 1979 году я начал работать на радио и в начале восьмидесятого года получил задание сделать репортаж с приема в "Зале Шагала" в Кнессете по случаю приезда самого художника.

Марка Захаровича окружала плотная толпа почитателей и политиков, желавших попасть в объективы фотокамер рядом с самим великим художником. Он обратился к присутствовавшим на идиш со словами благодарности и сказал, что даже тем, кто не верит в чудеса, придется согласиться с тем, что они существуют, потому что возрождение еврейского государства через две тысячи лет есть настоящее чудо.

Когда держишь в руке микрофон, люди поневоле расступаются, и я сумел подойти к Марку Захаровичу, представиться и попросить его повторить свою речь по-русски. Потом я сказал: "Мы с вами знакомы", — и напомнил ему о встрече в Каннах. И Шагал продолжил расспросы так же заинтересованно и так же "по-семейному", как восемь лет назад: с кем приехал? как удалось "выбраться"? долго ли ждали разрешения? как устроились? дается ли иврит? Сказал, что священные тексты на иврите читает свободно, но говорить не может.

"Приезжие начинают говорить на иврите довольно быстро", — сказал я. Шагал понял это почему-то как намек и ответил: "Мне поздно, но душой я с вами".

И тогда я решился на вопрос, который интересовал меня давно и на который мог ответить только сам художник: "Почему персонажи ваших картин на библейские, в том числе евангельские, сюжеты не просто типичные евреи — они ими и были, — но восточноевропейские, а еще точнее, белорусские, похожие как две капли воды на моих родственников из Минска и Гомеля?"

Марк Захарович улыбнулся детской улыбкой и почти беспомощно развел руками: "Их кен нит андере" — "По-другому я не умею".

Иерусалим